

О сень семьдесят третьего года в Воронеже пылала такими яркими красками, что казалось, даже каменные стены домов вот-вот начнут оплывать от нестерпимого жара. В четверг 20 октября младший сержант милиции Николай Никулин заступил на дежурство. Как всегда, сидел за рулем. На окраине города к их автомобилю бросилась девочка лет четырнадцати: «Помогите! Брат может убить маму! Пришел из вытрезвителя, требует денег на опохмелку». Николай, не раздумывая, рванул на помощь...

— В лицо мне словно не то крупный горох, не то острый щепень швырнули, звук выстрела услышал после, — вспоминает Николай Алексеевич. — Приложил руки к лицу — мокрые. Открыл глаза — темень. Подумал, что свет выключили. Кокарда на милицейской фуражке да еще козырек жесткий спасли меня. Правда, и посейчас в голове десятка три дробинки ношу. Врачи говорят: лучше их не трогать.

Родным разрешили навещать Николая в больнице через день. А в те дни, когда их не было, приходила Галина, девушка, о которой в ту пору еще нельзя было точно сказать, кто она Николаю (невеста — слишком сильно, знакомая — слишком мало). Когда она появилась в первый раз у кровати, на которой, весь забинтованный, лежал Николай, он стал ее выпроваживать. «Уходи! Зачем пришла? Со мной теперь все кончено. А жалость твоя мне не нужна». И напоследок сказал: «Не приходи больше!» Но Галя уже знала, что станет приходить. Правда, с родными Николая старалась не встречаться. Могли спросить: «Зачем кодишь? Он калека, а тебе продолжать жить?»

(Все вокруг советовали оставить его. Приводили примеры из жизни — волосы дыбом вставали.) Евдокия Григорьевна, мать Николая, однажды специально пришла в больницу не в свой день, чтобы посмотреть на девушку, от которой так много зависело в теперешней жизни ее сына. Пришла и села неподалеку от раздевалки. Но Галину к себе не подозвала. И та не подошла к ней.

И если вздуматься: разве не права была семья, не доверяя Галине? Восемнадцать лет, жизненного опыта никакого. Примет решение, не рассчитав своих силенок, а навалются трудности, о которых сейчас она не может и догадаться, и отступится. А для Николая это второй выстрел.

— Сделай мне Николай предложение, — улыбается Галина Алексеевна, — с братом Михаилом приехали ко мне в общежитие. С цветами. И это был первый букет, который он донес в полной сохранности до моей комнаты! Раньше всегда как бывало: пока поднимется по лестнице, успевают раздрать все цветы, останется один-два цветочка... Пришли и сказали: «Мама хочет с тобою поговорить». Мы поехали на Острожскую, где он в ту пору жил у своей сестры. Встретились с Евдокией Григорьевной. Поговорили. Поплакали. И решили свадьбу играть шестого ноября. Вначале я была против свадьбы: не так давно умерла моя мама, было нелегко на душе, да и с финансовой стороны все непросто. Но семьи у нас с ним большие — у него пять сестер и братьев, и я в семье девятилет ребенок. Мы в своих семьях младшенькие. И вообще у нас с ним много общего. Отцы у обоих — Алексеи, матери — Евдокии. Даже вечернюю школу оканчивали одну и ту же.

Так вот старшие и решили: «Живому живое — свадьбе быть».

Играть ее решили на родине Николая, под Воронежем, в селе Большая Трещевка. Там, где все знали его и он знал всех и все — каждый пригорок, изгиб улиц, ступени в домах, стены, где он когда-то хитроумным способом измерил глубину оврага, куда приходилось бегать за ключевой водой — на 90 метров ниже сельских огородов.

28

Вячеслав СИТНИКОВ

СВОИМ СЕРДЦЕМ

Заявление жениха и невесты в сельсовет отнес Алексей Васильевич — отец Николая. Торжественную регистрацию назначили в Доме культуры. О свадьбе знали все село. Шумная, цветастая, веселая, открытая сельская свадьба шла по улицам, пела старые и новые песни, плясала «матаню». Николай поставил свою подпись в сельском Совете, где народу было поменьше, да и те — самые близкие. А невеста расписалась в Доме культуры, куда вошли они с женихом сквозь народ, сутолоку, веселые приветствия и добрые пожелания.

— Счастья тебе, Коля! — кричали одногодки и сослуживцы жениха.

— Счастья тебе, доченька, — кланялись Галине пожилые его землячки.

— Я твердо знала одно: Коле нужно учиться, — вспоминает Галина Алексеевна. — Настояла на том, чтобы он готовился к поступлению на юридический факультет университета. В две недели освоил систему Брайля. Одиннадцатый класс закончил успешно. Все учителя его хвалили. Тут же он пошел на подготовительные курсы, а я — в декретный отпуск.

В июле семьдесят пятого года в Воронеже стояла жара. Даже в родильном отделении приходилось открывать окна. Врач, принимавший роды, сказал Галине: «Поздравляю вас с мальчиком». А внизу под окнами кто-то завопил: «Ромка родился!» Пришла в палату санитарка и сказала, что под окнами родильного отделения плачут двое мужчин.

Через неделю Галину с Ромкой выписали. Оставив его дома на Евдокию Григорьевну, она пошла с Колей на первый экзамен в университет. Николай, подвижный, порывистый, не любящий ждать, отвечать пошел первым. Вышел скоро. Сказал: «Отлично. Бежим домой?» А дома все спрашивал и спрашивал о сыне: «Какой он? На кого похож?» Подносил сверток с Ромкой к окошку, все надеялся на чудо, на проблеск, хотя бы мгновенный, света в глазах. Чуда не происходило. И Николай осторожно касался пальцами крошечного личика.

— А я в такие минуты оставляла их одних, — негромко говорит Галина Алексеевна. — И плакала в ванной под шум воды.

Рассказывает Клава Подлесных, близкая подруга Галины, с которой они еще в общежитии жили в одной комнате.

— Мы и сейчас дружим, семейные праздники вместе встречаем. Я давно начала чувствовать, что Галина как бы растет постоянно, мудрее, что ли, становится. Думаю иногда: вот мы с ней одногодки, воспитывались у грядок, образование вроде как в спешке получали, а откуда в человеке души столько и такта? Случая не припомню, чтобы Галя словом или интонацией показала Коле, что она его вынуждена опекать. А ведь дрожит за него, как за дитя. Он ведь шустрый такой, стремительный. В квартире то и дело на углы, на двери наткнется, лицо в кровь разбивал. Она скажет только: «У него же ранение в голову», — а у меня душа на части рвется — столько в ее голосе боли. Николай стал учиться помогать по хозяйству. Начал с мытья посуды. Сколько он ее перебил! Мы сидим с ней в комнате, а на кухне черепки звенят. Она разговора ни на миг не прервет, движения к кухне не делает, чтоб он не думал, не огорчался. А теперь посмотрите: Николай картошку лучше любой женщины чистит, на посуду блеск наводит. А с Ромкой как нянчился! Пеленал, раньше Галины на его крик поднимался, в садик его сам водил. А потом с городом познакомил. Высадутся из автобуса с ним, спросит: «Дом перед нами с колоннами, сынок, видишь?..» И расскажет такие подробности — диву даешься. А в Трещевке оседлает мопед — правда, племянник рядом — и поедет. Вот-вот, кажется, в столб врежется! Галина и на это смотрит молча — понимает, что мужу это необходимо. В кино, в театр ходят вместе.

В университете учились вдвоем.

Чтобы ему было легче, она наговаривала учебники на магнитофон; как бы невзначай встречала его у университета с коляской, пока он не освоился с дорогой домой; пошла на курсы машинописи, перепечатывала наколоте им по системе Брайля тексты контрольных и курсовых работ. Диплом, конечно, дали Николаю, но куратор группы Дмитрий Иванович Дударев признал: «Заслужили его оба — и муж, и жена».

